

СВИДЕТЕЛЬСТВА ХОРВАТОВ В СОВЕТСКОМ ПЛЕНУ: 1942 ГОД

Л. Х. Муромцева

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 28 сентября 2020 г.

Аннотация: *обсуждается вопрос о боевых качествах и моральном духе солдат и офицеров 369-го хорватского усиленного пехотного полка, который в 1942 г. в составе 100-й легкой пехотной дивизии вермахта участвовал в боевых действиях на южном участке советско-германского фронта. Анализ опросных листов хорватских военнопленных и других документов показал, что распространенное в отечественной и зарубежной историографии мнение о высоких боевых и моральных качествах хорватских легионеров не соответствует действительности.*

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, 369-й хорватский полк, добровольцы, мобилизованные, боевые качества, моральный дух.*

Abstract: *the article discusses the issue of the fighting qualities and morale of the soldiers and officers of the 369th Croatian Reinforced Infantry Regiment, which in 1942, as part of the 100th Light Infantry Division of the Wehrmacht, participated in the battles on the southern sector of the Soviet-German front. An analysis of questionnaires of Croatian prisoners of war and other documents showed that the opinion widespread in domestic and foreign historiography about the high combat and moral qualities of Croatian legionaries does not correspond to reality.*

Key words: *Great Patriotic War, 369th Croatian Regiment, volunteers, mobilized, fighting qualities, morale.*

Одним из соединений вермахта, в 1942 г. принимавших участие в боевых действиях на южном участке советско-германского фронта, была 100-я легкая пехотная дивизия (далее – лпд) под командованием генерал-лейтенанта Вернера Занне. 100-я лпд находилась на фронте с 22 июня 1941 г. в составе 17-й, 1-й танковой и 6-й армий, ведя бои против частей Красной Армии на Западной Украине, затем в районе Харькова, на Северском Донце, на р. Миус, в районе Барвенково, а потом в ходе операции «Блау» и Сталинградской битвы, в результате которой и была уничтожена. Кроме 54-го и 227-го пехотных и 83-го артиллерийского полков, чей личный состав представляли преимущественно австрийцы и силезцы, в дивизию входил с октября 1941 г. 369-й усиленный хорватский пехотный полк. Эта часть была создана по инициативе вождя ультранационалистической профашистской партии усташей Анте Павелича. В ходе германско-итальянской агрессии против Югославии в апреле 1941 г. усташа провозгласили создание Независимого Государства Хорватия (далее – НГХ), которое на самом деле не было ни хорватским – этнические хорваты составляли лишь около половины населения, ни независимым – на территории НГХ стояли немецкие и итальянские войска. Несмотря на скептическое отношение высшего командования гитлеровской армии («Бессмыслица!») – так отозвался на информацию о формировании «Хорватского

легиона» начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер [1]), полк был набран примерно наполовину из добровольцев и наполовину из мобилизованных в «Домобран». В составе 100-й лпд хорватские подразделения участвовали в боях осени 1941-го – лета 1942 г., начиная с Харькова и до летнего наступления вермахта на Кавказ и Сталинград [2, с. 276, 340, 762].

В отечественной и зарубежной историографии распространено мнение, что, по сравнению с войсками других стран – сателлитов гитлеровской Германии, 369-й хорватский полк отличался высокими боевыми качествами, хорошим морально-политическим состоянием личного состава и неплохими отношениями с германским «старшим партнером» – солдатами, офицерами и командованием 100-й лпд и вышестоящих воинских объединений вермахта. В частности, такова позиция А. Милича [3, с. 385]. О. В. Романько указывает, что уже 31 мая 1942 г. хорватский полк за проявленное боевое мастерство был отмечен в сводках Верховного командования вермахта [4, с. 263]. Вторично в информационных сводках Верховного командования вермахта 369-й полк фигурировал 12 августа 1942 г., когда по итогам сражения в большой излучине Дона было подчеркнуто: «В этих боях хорошо показали себя хорватские части» [5, с. 341]. «В целом, командование Вермахта осталось довольно результатами боевого применения 369-го полка, – пишет указанный историк. – Его личный состав показал не только превосходные боевые качества, но и высокое моральное состояние: за весь период истории

этой части в ней не было ни одного случая дезертирства» [6, с. 77]. Авторы изданной в 2010 г. монографии по истории Хорватского легиона А. Обходас и Дж. Марк приводят сведения о том, что германские офицеры считали хорватских солдат лучшими из всех *Hilfsvolk* («вспомогательный народ» или «вспомогательная нация»: так с оттенком презрения гитлеровцы неофициально называли сателлитов), и уже за ними шли словаки, затем румыны и др. [7, р. 230]. В то же время А. В. Русак утверждает, что в ходе боев хорватские легионеры убедились, что все разговоры про боевое братство, взаимопомощь и верность союзническому долгу были пустыми словами: при отходах немцы прикрывались хорватами, им же поручали разведку боем, не делились информацией о боевой обстановке, не принимали в свои госпитали больных и раненых легионеров, а полковник Маркуль неоднократно доносил в Загреб о растущих потерях, снижении боеспособности и падающем моральном состоянии личного состава 369-го хорватского полка [8, с. 115]. У Х. Нейдхардта, автора истории боевого пути 100-й лпд, также неоднократно встречаются замечания о плохой дисциплине хорватов и их склонности к мародерству и описываются эпизоды, когда хорватские подразделения оставляли позиции и в панике бежали [9, с. 169, 192, 203, 214].

Таким образом, вопрос является дискуссионным; думается, что его прояснению должно способствовать обращение к документальным источникам, одним из важнейших среди которых являются опросные листы хорватских легионеров – плененных и перебежчиков – и составленные на их основе советскими политотделами справки и заключения о морально-политическом состоянии Хорватского легиона. Для начала приведем свидетельство со стороны – показания военнослужащего той же 100-й лпд, но не хорвата, а немца. Унтер-офицер Герхарт Вудик происхождением из Берлина служил в вермахте с октября 1937 г., по здоровью был нестроевым и работал оружейным мастером. В этом качестве он в январе–феврале 1942 г. находился в Сталино (Донецк), по его словам, не получал пайка и потому дважды совершил подлог, добыв продовольствия на 36 чел., которое продавал местному населению. В своих махинациях он был уличен, арестован, больше месяца просидел в военной тюрьме в Сталино и затем был приговорен дивизионным судом в Доброполье к расстрелу; дожидаться казни Вудик не стал и бежал, прошел 70 км и перешел линию фронта в районе Анно-Николаевки на стыке 100-й лпд и 60-й моторизованной дивизии. Перебежчик показал, что вместе с ним в военной тюрьме находилось 120 немецких солдат, входящих в состав 100-й лпд, в их числе 65 хорватов, двое из которых были расстреляны по приговору германского военно-полевого суда, тогда как остальные были переданы

хорватскому военно-полевому суду. Обвинялись они в том, что допустили самовольную отлучку; по существу арестанты были дезертирами, так как самовольная отлучка у некоторых составляла 2–3 месяца. Некоторые хорваты даже поженились на местных девушках и в селах были избраны старостами. «Хорваты живут разнузданной половой жизнью, некоторые из них женились на русских девушках», – буквально сообщал Вудик. Население Сталино, по словам унтер-офицера, в условиях немецкой оккупации владычило нищенское существование, и многие девушки и женщины были вынуждены отдаваться немецким и в особенности хорватским солдатам за хлеб. Хорваты обращались с населением еще хуже, чем немцы. Они понимали по-русски и поступали следующим образом: заходили в дом и требовали сообщить, каким имуществом располагает сосед, уверяя, что если хозяин даст им эти сведения, его не будут грабить. Испуганный крестьянин говорил, где у соседа спрятано зерно, куры, свиньи, и тогда хорваты шли в соседний дом и забирали там все, что хотели. Вудик также рассказал о случае, когда хорватский унтер-офицер Вуковина забрал у одного крестьянина свинью и тут же продал ее другому крестьянину за 50 марок (500 рублей) [10].

Сами хорваты, как правило, показывали, что оказались в рядах 369-го полка отнюдь не по своей воле. Так, унтер-офицер Салко Зимонич, добровольно перешедший на сторону Красной Армии, сообщал, что служил с 1 апреля 1940 г. в югославской армии, 10 апреля 1941 г. попал в плен к немцам, затем был передан итальянцам и отправлен в Албанию. 20 мая его выпустили, но дома ему пришлось побыть недолго: 23 июня Зимонич был призван в хорватскую армию, а уже 4 июля отправлен в Германию в г. Линц, где проходил военную подготовку, и 18 августа вместе с другими «добровольцами» был отправлен на Восточный фронт [11]. Солдат 8-й роты 369-го пехотного полка (далее – пп) 100-й лпд Иосиф Филиппович Суч – хорват, рабочий-кондитер, перешедший на сторону советских войск 28 февраля 1942 г. в районе Очеретино (20 км южнее Барвенково), показывал, что раньше служил в югославской армии унтер-офицером, участвовал в войне против Германии и Италии, после оккупации Югославии вернулся на родину в Хорватию и вскоре был призван в армию и в конце 1941 г. вместе с группой солдат полка направлен на Восточный фронт на пополнение 369-го пп. Полк, по его словам, меньшей частью состоял из добровольцев, а большей частью – из мобилизованных солдат бывшей югославской армии, переобученных и снаряженных в Германии [12]. В тот же день бросил оружие и сдался в плен в районе Андреевки солдат 369-го пп Николи Янжек, призванный в мае 1941 г.; согласно его показаниям, в полк было набрано 3000 чел. добро-

вольцев, а еще столько же добавили по выбору и назначению офицеров. 6000 чел. были отправлены в Германию, откуда было возвращено 1000 чел. политически неблагонадежных. На фронт выехало около 5000 чел., но прибыло около 4000 чел., так примерно 800 чел. отсылались по пути (обмороженные, простуженные, больные дизентерией, дезертиры), а около 200 чел. были отправлены из Харькова по решению военно-полевого суда в Германию [13]. Бранко Маркович, солдат 7-й роты 369-го пп, перешедший на советскую сторону 7 марта 1942 г. в районе Голубовки, показал, что прибыл на фронт в составе маршевого батальона, при этом солдатам было объявлено, что они отправляются в тыл германской армии служить в качестве оккупационных войск, а на деле их влили в состав хорватского полка [14].

«Почетное право» находиться в рядах вермахта мобилизованным хорватским солдатам не приносило особой радости, и они всеми способами старались эти самые ряды покинуть. По словам Зимонича, в Харькове один хорватский унтер-офицер бежал из части, переодевшись в гражданскую одежду, но был пойман и расстрелян. По показаниям Суча, многие хорваты дезертировали – Петар Ласич, Франц Лифтар, ст. ефрейтор Федор Ткач и др. Солдаты дезертировали из каждой роты; отмечались и случаи членовредительства. Янжек рассказывал, что в артдивизионе дезертиров было сравнительно мало – 10 чел., тогда как в пехотных батальонах дезертиров насчитывалось около 500 чел. В артдивизионе случилось два случая членовредительства, а в пехотных батальонах случаев саморанения было гораздо больше – солдаты простреливали друг другу руки или ноги, чтобы уехать домой. Фельдфебель 4-й роты (пулеметной) 369-го пп Иоганн Маленица, захваченный 27 января 1942 г. в районе Криворожья, сообщал, что в первые недели войны против СССР хорватские солдаты под влиянием немецкой пропаганды, ввиду нахождения в тылу, хорошего питания и незначительности трудностей, не проявляли недовольства и верили в победу немцев. Однако в последние месяцы настроение солдат резко изменилось, и они не желают проливать свою кровь за немцев. Участились случаи побегов: только из 4-й роты дезертировало 20 солдат, в других ротах дезертиров не меньше. Отмечались случаи самоубийств: так, в 4-й роте во время пребывания в Харькове застрелился унтер-офицер Ниджие Муйкович [15; 16].

Маленица также рассказал, что при выступлении 369-го пп в поход против СССР предполагалось, что война продлится 2–3 месяца, поэтому солдаты получили летнее обмундирование, а с наступлением холодов им выдали только подшлемники, рукавицы и теплые носки. Многие солдаты обморозили себе руки и ноги: так, в 4-й роте было 27 обмороженных.

На 25 января 1942 г. в пулеметной роте в строю осталось 110 чел. из 202, в стрелковых ротах – от 70 до 90 чел. боевого состава. Об отсутствии зимнего обмундирования говорил и Зимонич, добавив, что и хлеба хорватским солдатам дают не более 300 г, а были случаи, что четыре дня совсем не получали хлеба. По показаниям Янжека, хлеб выдавали по 300 и 500 г, большей частью получали по 300 г. 27 февраля 1942 г. солдаты получили трехдневный паек: 1 кг хлеба, 50 г рыбных консервов, 20 г маргарина, 80 г искусственного меда, 100 г колбасы, 18 шт. папирос. Мыла туалетного они за все время получали четыре раза по 50 г, хозяйственного – два раза по 200 г. Белье стирали сами или отдавали на стирку местному населению. В бане за все время не были, в результате завшивели не только солдаты, но и офицеры [17; 18].

Закономерно, что при таком обеспечении пленные и перебежчики сообщали о том, что хорватские солдаты и даже офицеры испытывали все меньшее желание воевать за немцев, отношение к которым становилось все хуже. Зимонич рассказывал, что ему часто приходилось слышать среди солдат, что они воюют не за себя, а за чужие интересы, и такое же настроение было среди офицеров – хорватов и сербов, которые говорили, что воевать ни за что, и это при том, что в войсках было развито доносительство, и если в артдивизионе арестовали 4 чел., то в пехотных подразделениях – 180 чел.; солдат отдавали под суд и осуждали на срок от 5 месяцев до 2 лет. «Мое отношение к войне Германии против Советского Союза такое, что я пошел бы бить немцев», – заявил перебежчик [19]. По сообщению Иоганна Маленицы, хорватские солдаты открыто читали советские листовки и офицеры-югославы их за это не наказывали; у многих солдат имелось желание перейти на сторону Красной Армии, но они опасались немцев. Из показаний Иосифа Суча следовало, что фактически хорватским полком командовали немцы; к каждому батальону были прикомандированы несколько немцев – офицер, фельдфебели и унтер-офицеры, в каждой роте также имелось 2–3 немца. К 1 января 1942 г. в ротах 369-го пп было в среднем по 140–150 чел., а уже к 28 февраля 1942 г. осталось не более 70–80 чел. Велики были потери и в материальной части: так, в 8-й роте осталось 3 станковых пулемета из 12 и 1 миномет из 6. Некоторые офицеры-хорваты, например, лейтенант 8-й роты Жарко Флиембер, знали об антигерманских настроениях солдат и потворствовали им, за что пользовались популярностью среди рядового состава. Воевать легионеры не хотели и в боях показывали себя не с лучшей стороны: так, 25 февраля 1942 г., когда советские войска начали наступление на Очеретино, где находились 5-я рота 369-го пп и две роты 227-го (немецкого) полка, хор-

ваты первыми бежали в Голубовку, бросая по дороге оружие и снаряжение, так что на следующий день немцам пришлось заставить хорватов вернуться и собрать брошенное оружие. Суч также показывал, что хорватские солдаты охотно читают советские листовки и не верят заявлениям немцев и некоторых хорватских офицеров о плохом обращении с пленными со стороны русских [20]. В то же время с родины приходили нерадостные вести: продукты и другие товары выдавались по карточкам, ширилось партизанское движение. В целом перспективы войны представлялись хорватам в неблагоприятном свете: «Германия малые государства победила и ограбила, но Советского Союза она не победит, – утверждал Салко Зимонич. – Это объясняется тем, что нет достаточного количества продуктов питания, нет достаточно военных материалов и людских резервов, я видел в немецкой армии солдат от 20 до 45-летнего возраста» [21].

Аналогичные данные содержатся и в справке о политико-моральном состоянии Хорватского легиона, составленной политуправлением Юго-Восточного фронта для 7-го отдела ГлавПУРККА 8 октября 1942 г. В документе сообщалось, что легион состоит из добровольцев, значительную долю которых составляли осужденные преступники, которым угрожала смерть или тюрьма и было обещано помилование при условии участия в войне против СССР, и мобилизованных; по показанию перебежчика унтер-офицера 3-й батареи Ивана Новачича, в батарее на 150 солдат приходилось около 30 мобилизованных. Военнопленный солдат роты противотанковой обороны Марко Блажкович сообщал, что первоначально в легионе было около четырех тысяч солдат, но часть понесла большие потери: в его роте из 180 чел. осталось 60. В 3-й батарее выбыло из строя около 1/3 личного состава; в июле 1942 г. 369-й пп насчитывал только около тысячи человек, так что в начале следующего месяца все три пехотных батальона были сведены в один батальон.

Настроение хорватских солдат было неважное. При вербовке в легион Павелич обещал, помимо высокого жалования на фронте, выплачивать родителям и семье легионера большое пособие – до двухсот марок в месяц, снабжать их продуктами, переселить в лучшие квартиры и т. п., но все это оказалось обманом. Получив сообщение с родины о надувательстве, добровольцы заволновались; дело дошло до того, что в июле к артиллеристам вынужден был явиться лично полковник Маркуль. Солдат Иван Деканич, доброволец из Словенского Брода, заявил о том, что легионеров обманули. Маркуль выслушал и сказал, что если через месяц вопрос не будет урегулирован, он сам возьмется за дело. Такой ответ не успокоил солдат (из показаний Новачича).

О наличии серьезного недовольства среди хорватских добровольцев рассказывал также солдат 5-й батареи, перебежчик Алия Осмагович. По его словам, многие солдаты мечтали попасть в плен к русским, и с ним хотели бежать Муяча, Развич, Никола Миньдриг и др. Отношения между хорватами и немцами становились все более натянутыми. «Немцы относятся к нам плохо. Когда приходим в село, они занимают все квартиры, а нам приходится спать в поле. Это часто приводит к возмущению хорват. По сравнению с немцами хорват кормят хуже. Но особенно мучает отсутствие курева. Раньше выдавали по 5 грамм табаку на 5–6 человек на три дня и по 4–5 штук папирос, а теперь ничего не дают. В то время как хорваты страдают, немцы курят. Хорваты покупают у немцев табак по 5–10 марок за 50 грамм; зимой платили немцам и итальянцам по 5 марок за одну папироску. Немцы не доверяют хорватам. В бою положение хорватских подразделений таково: впереди и позади заслон немцев, в середине хорваты, так что, если побежишь вперед к русским, тебя пристрелит передний заслон, побежишь назад – получишь пулю от заднего заслона» (из показания Блажковича). О подобном отношении немцев к хорватам рассказывал и Новачич; по его словам, с мая по июль 1942 г. из легиона дезертировало около 350 чел., и часть дезертиров, пойманных немцами, была расстреляна либо отправлена на каторжные работы в Германию.

В ухудшении настроения солдат хорватского легиона немаловажную роль играли неутешительные вести с родины, попадавшие в солдатскую среду через письма. Легионеры знали, что в Хорватии народ голодает, цены растут, все богатства вывозятся в Германию. По заявлению военнопленных, килограмм муки стоил в Хорватии 150 кун (20 кун = 1 марка), килограмм свиного сала – 200 кун, но его достать было почти невозможно. Мяса, сахара и соли вовсе не было, фрукты отправляли в Германию, то же самое с виноградом. В Германию были отправлены почти все коровы и свиньи. Карточная система была введена даже в деревне: по словам Блажковича, его семья, состоявшая из 5 человек, получала в месяц 15 кг муки. В стране росло сопротивление: «В этом году партизан больше, чем в прошлом году, – утверждал Новачич. – Никогда хорватский крестьянин не думал, что будет партизаном. Но когда у него забирают все, он берет винтовку и уходит в горы, в лес. Германцы называют себя освободителями хорватского народа, а хорватские крестьяне отвечают: какие это освободители, если они у нас на шее сидят» [22].

Таким образом, огромные потери, бесправное положение в рядах германской армии, неутешительные вести с родины, невыполнение руководством НГХ данных легионерам обещаний приводили к упадку настроения солдат хорватского легиона и

снижению его боеспособности. Думается, что эти свидетельства стоит принять во внимание при обсуждении вопроса о боевых и моральных качествах личного состава 369-го пп 100-й лпд. К лету 1942 г. хорваты все меньше понимали, что они делают в России, а впереди их ожидал Сталинград...

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. : в 3 т. Т. II. От запланированного вторжения в Англию до начала Восточной кампании (1.7.1940–21.6.1941) / Ф. Гальдер. – М. : Воениздат, 1969. – URL: http://militera.lib.ru/db/halder/1941_04.html

2. Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. / Б. Мюллер-Гиллебранд. – М. : Издательство «Эксмо», 2002.

3. Милич А. Хорватские добровольцы в германском вермахте во Второй мировой войне / А. Милич // Крепостной поход на Россию. – М. : Яуза, 2005.

4. Дробязко С. И. Иностранцы формирования Третьего рейха / С. И. Дробязко, О. В. Романько, К. К. Семенов. – М. : АСТ : Астрель, 2011.

5. Сталинградская битва. Хроника, факты, люди. Книга первая. – М. : Олма-Пресс, 2002.

6. Романько О. В. Хорватские добровольческие формирования на советско-германском фронте (1941–1943) / О. В. Романько // Военно-исторический архив. – 2013. – № 9.

7. Obhodas A. Croatian Legion The 369th Reinforced (Croatian) Infantry Regiment on the Eastern Front 1941–1943 / A. Obhodas, J. Mark. – Sydney : Leaping Horseman Books, 2010.

8. Русак А. В. Хорватські легіонери на Східному фронті 1941–1943 рр. / А. В. Русак // Український історичний журнал. – 2001. – № 2.

9. Neidhardt H. Mit Tanne und Eichenlaub. Kriegschronik der 100. Jäger-Division, vormals 100. leichte Infanterie-Division / H. Neidhardt. – Graz : Stocker-Verlag, 1981.

10. Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО). – Ф. 228. – Оп. 709. – Д. 535. – Л. 1–11.

11. ЦАМО. – Ф. 32. – Оп. 11306. – Д. 22. – Л. 88.

12. ЦАМО. – Ф. 228. – Оп. 709. – Д. 535. – Л. 18–19.

13. ЦАМО. – Ф. 228. – Оп. 709. – Д. 535. – Л. 21–22, 25.

14. ЦАМО. – Ф. 228. – Оп. 709. – Д. 535. – Л. 27.

15. ЦАМО. – Ф. 32. – Оп. 11306. – Д. 22. – Л. 89.

16. ЦАМО. – Ф. 228. – Оп. 709. – Д. 535. – Л. 20, 26, 45–45 об.

17. ЦАМО. – Ф. 32. – Оп. 11306. – Д. 22. – Л. 88.

18. ЦАМО. – Ф. 228. – Оп. 709. – Д. 535. – Л. 25, Л. 45 об.

19. ЦАМО. – Ф. 32. – Оп. 11306. – Д. 22. – Л. 88–89.

20. ЦАМО. – Ф. 228. – Оп. 709. – Д. 535. – Л. 19–20, 45 об.

21. ЦАМО. – Ф. 32. – Оп. 11306. – Д. 22. – Л. 90.

22. ЦАМО. – Ф. 32. – Оп. 11306. – Д. 194. – Л. 268–269 об.

Воронежский государственный педагогический университет

Муромцева Л. Х., экстерн

E-mail: muromtseva-2020@inbox.ru

Voronezh State Pedagogical University

Muromtseva L. Kh., Extern

E-mail: muromtseva-2020@inbox.ru